Лоес Моррен

Таинственный Дракон

Его любовь была для меня под запретом

Лоес Моррен

Таинственный Дракон. Его любовь была для меня под запретом

«Автор»
2026

Моррен Л.

Таинственный Дракон. Его любовь была для меня под запретом / Л. Моррен — «Автор», 2026

Три года я зажигала маяк для драконов. И первый же дракон, который увидел мой огонь, рухнул прямо на грядку с капустой.Я вытащила стрелу из его крыла, а когда вернулась с перевязью, среди разбитой ограды лежал золотоволосый мужчина. Дамиан из рода Орм попросил всего об одном — запереть ворота. Вскоре я поняла почему: береговые ловчие уже расспрашивали о раненом путнике.Пока его крыло заживало, мы чинили ограду, читали вслух и по вечерам искали в темноте сигнал с острова. Там Дамиан надеялся найти сестру и её детей. Я знала, как много для него значат два коротких всполоха над водой. И всё же с каждым вечером мне хотелось, чтобы он остался ещё на один день.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лоес Моррен
Таинственный Дракон. Его любовь была для меня под запретом

Глава 1

Я проснулась оттого, что в комнате перестало свистеть. Всю ночь ветер пытался пролезть в щель между ставнями, а под утро, должно быть, нашёл себе занятие поважнее. Я высунула ногу из-под одеяла, нащупала чулок и по холоду в полу поняла, что кухонная печь погасла. Если поторопиться, можно было успеть разжечь её прежде, чем замок совсем выстудит.

Внизу я выгребла из печи золу и нашла под ней один живой уголёк, красный с одного края. Подсунула сухую лучину, наклонилась и подула так осторожно, что у меня заболели щёки. Когда огонь добрался до первого полена, я поставила на плиту чайник и пошла во двор за дровами. За ночь на верхний ряд поленницы осела соль, и с коры она сыпалась на рукава, как мука из плохо завязанного мешка.

Большой камин в гостиной я растапливала со двора: так было ближе носить дрова и не приходилось мести за собой всю лестницу. В его топке я могла выпрямиться почти во весь рост, если предварительно убирала решётку. Зимой я подумывала перетащить сюда кровать, но каждый раз представляла, как первый за три года гость входит в замок и застаёт смотрительницу в ночной рубашке посреди гостиной. На этот случай я оставляла кровать наверху, а у камина ставила кресло с пледом.

За первой охапкой я сходила в шерстяных чулках, за второй пришлось надеть сапоги: на дорожку с крыши натекла целая лужа. Я положила поленья в корзину у камина и открыла заслонку, чтобы дым не пошёл в комнату. Над очагом на стене висели три бронзовых крюка для дорожных плащей, а под ними стояла длинная скамья, на которой когда-то усаживались по четверо. Сиденье было истёрто посередине, и мне нравилось воображать, что это след от чьих-то сапог, закинутых на колени соседу.

Прежняя смотрительница говорила, что дракона легче всего узнать, когда он впервые за долгий перелёт садится в кресло. В человеческом обличье у него могут быть веснушки, залысина или слишком тесный воротник, а вот садится он так, будто до сих пор чувствует за спиной крылья. Я слушала и думала, что сумею проверить это сама, как только она позволит мне подавать ужин гостям. Когда ключи достались мне, скамья уже подолгу стояла пустой, а теперь со дня моего первого самостоятельного дежурства минуло три года.

Пока чайник нагревался, я спустилась в погреб с фонарём и тряпкой. У ближнего бочонка с медовухой опять рассохся кран, и на подставке поблёскивала густая капля. Я подбила обруч деревянной колотушкой, вытерла подставку и повязала на кран полоску сухого полотна, чтобы к вечеру увидеть, набралась ли свежая влага. Другие бочонки я обошла с фонарём, пригибая голову под балками и проверяя пальцем, сухо ли вокруг каждого крана.

За завтраком я открыла книгу дежурств там, где лежала тесёмка, и вписала, сколько дров перенесла к очагу и какой бочонок требует присмотра. В графу для имён гостей поставила прочерк, ведя пером по линейке. Несколько страниц назад я попыталась писать «гостей не было», но уже на третий день обнаружила, что после слова «гостей» рука сама оставляет место для имени. С прочерком выходило быстрее, и чернила успевали высохнуть, пока я домазывала масло на хлеб.

К обеду я решила приготовить жаркое и достала с полки две глубокие миски. Вторую моя наставница велела ставить всякий раз, когда печь топилась для еды: путник мог появиться хоть в полдень, хоть перед самым закатом, и ждать, пока на него нарежут картошки, ему было незачем. Я зачерпнула из солонки две щепоти, прикинула, сколько осталось мяса, и взяла корзинку для овощей. Под её плетёной ручкой ещё держалась нитка, которой мать когда-то подшила оторвавшийся прут.

В огороде солнце уже доставало до верхушек капусты, а земля под картошкой была мягкой после ночной сырости. Я подцепила вилами первый куст и вытряхнула на дорожку шесть

клубней, один с двумя отростками, похожими на сучковатые пальцы. Пока я оттирала его о передник, в ворота постучали: два раза быстро, потом ещё раз, выждав немного. Я сунула картофелину в корзинку и пошла открывать, заранее зная, чью лошадь услышу за створкой.

За воротами стоял Томас в куртке, застёгнутой на одну пуговицу мимо петли. Его гнедая кобыла кутала морду в собственную гриву, а на телеге из-под рогожи торчал угол мешка. Я открыла створку пошире, чтобы он мог проехать сразу во двор. Томас сначала заглянул за моё плечо, как будто надеялся увидеть там кого-то, кто возьмётся за вторую створку.

— Муку привёз, мясо и сыр, — сказал он, ведя кобылу под уздцы. — С сыром вышел спор: жена велела тебе передать круг целиком, а я предложил сперва попробовать, вдруг испортился. Она завернула его при мне и так посмотрела, что я даже нож дома оставил.

— Ах вот отчего ты проехал весь берег и ни разу не остановился перекусить! — сказала я и подхватила конец рогожи, когда ветер надул её над телегой. Кобыла покосилась на меня и опустила голову к корзинке. — Веди её под навес, там есть вода, а картошку пусть оставит мне, я её только выкопала.

Томас подвёл кобылу к каменной поилке и плеснул ей воды с ладони, чтобы она не шарахнулась от холодной воды. Пока она пила, я забрала с телеги сыр и два куска вяленого мяса в вощёной ткани. Томас предложил отнести и их, но я уже чувствовала, что кухня остынет, если мы оба продолжим любезничать во дворе. Мы условились, что он сложит муку в кладовой у двери, а я подержу ему дверь, когда освобожу руки.

Картошку я вымыла в тазу, счистила с неё тонкую кожицу и нарезала прямо над горшком. К мясу из вчерашних припасов добавила лук, морковь, ложку жира и остатки бульона, а сверху уложила ломоть хлеба, чтобы он пропитался соком и к концу готовки развалился в подливе. Когда я закрыла горшок крышкой, Томас уже внёс первый мешок и громко спросил, где я держу пустые корзины. Я показала под лавку, и он поставил туда ту, что приехала сегодня, только повернул ручкой ко мне.

— Прежде загляни под салфетку, — сказал он. — Твоя мать вынесла корзину, когда я уже сел на облучок, и добежала за нами до кузницы. Велела сказать, что у банки крышка тугая, потому что твой отец закручивал, а ему непременно надо, чтобы и через сто лет никто открыть не смог.

Под салфеткой нашлась банка с густым алым джемом, а рядом — письмо, сложенное так, что снаружи осталось моё имя. Мать писала, что осенняя ярмарка будет в конце месяца и книготорговка, которую я помнила, всё ещё ставит шатёр у колодца. Отец починил заслонку в печи моей комнаты, хотя, по его словам, старая могла простоять ещё лет пятнадцать, если закрывать её локтем с нужной стороны. На обороте оставалось несколько строк, но Томас наступил на скрипучую половицу у порога, и я сложила письмо, не дочитав.

— Им сказать, что приедешь? — спросил он, обернувшись за вторым мешком. По тому, как он держался за дверной косяк, я поняла, что мать просила привезти ответ с первого раза. — Если соберёшься, я еду на ярмарку пустой телегой, смогу подхватить у ворот хоть с сундуком.

— Скажи, что письмо у меня и что я отвечу сама, — попросила я. Хотелось сразу спросить, в какой день он поедет, но я слышала, как на сквозняке постукивает круглая дверца печи, и думала, кто станет подниматься с дровами в башню в моё отсутствие. — Мне сперва надо разобраться с дежурством, а то у меня со сменой пока туго.

Томас кивнул и пошёл за мукой. Когда последний мешок оказался на подставке в кладовой, я записала вес и вручила ему расписку, а он свернул её и убрал за пазуху вместе с прочими бумагами. Во дворе кобыла сонно перебирала губами у кормушки, и Томасу пришлось позвать её по имени, прежде чем она позволила взять удила. Тут из-под крышки жаркого вдруг вырвался дух запечённого лука, и я вспомнила про вторую миску.

— Томас, обед готов, а твоя Гнедка ещё не съела и половины сена, — окликнула я его из дверей. Он перестал возиться с подпругой и посмотрел вверх, прикидывая время по свету

на стене. — Посиди со мной хоть до тех пор, пока она доест, а то мне столько картошки и до вечера не осилить.

Он сказал, что у лошади и впрямь день длинный, и оставил подпругу в покое. Пока он в сенях стягивал куртку, я подогрела обе миски на краю плиты и щедро разложила жаркое. Миску с отбитой глазурью на ручке я оставила себе, а другую, ту, что достала утром для путника, понесла за Томасом в гостиную. По пути мне пришлось дважды остановиться, чтобы не расплескать подливу.

Томас уселся у дальнего края стола и тут же придвинулся поближе к камину, с шумом протащив стул по плитам. Я поставила перед ним хлеб, а сама снова повернулась к двери, решив, что забыла соль. Томас достал солонку из-за кувшина и подвинул ко мне, потом подождал, пока я сяду. За его первую ложку я успела мысленно перебрать добрую дюжину вопросов и начала с самого простого.

— Как там наш король, ещё здравствует? — спросила я. Томас дожевал мясо и вытер рот краем салфетки. Я уже пожалела, что заговорила, когда он ест, но он поднял ложку, словно собирался ручаться за каждое следующее слово.

— Здравствует, по крайней мере на свадьбе сам открыл танцы и потом ещё дважды выходил, — ответил он. — Дочку выдал за принца из соседнего государства, того, что приезжал весной с охотой. Из столицы два дня подряд на постоялом дворе рассказывали, будто на пиру даже к каждой перемене блюд подавали новую серебряную ложку.

— А к жаркому они тоже ложку подавали или там жаркое едят руками? — спросила я. Томас посмотрел на свою ложку и на кусок хлеба, которым только что собрал со дна подливу. — Ты погоди, сперва скажи, какого цвета было платье, а то я уже вообразила себе весь зал и никак не пойму, в чём по нему ходила невеста.

— По словам бочара, в зелёном, а его дочь уверяет, что рукава были белые, — ответил Томас. — Она стояла у самого моста и видела, как невеста высунулась из кареты, чтобы принять у мальчишки цветы. Только мальчишку прогнал стражник, так принцесса сама попросила остановиться, взяла у него букет и потом везла на коленях всю дорогу до дворца.

Я представила, как она ехала в новом платье с мокрыми стеблями на коленях, и спросила, что за цветы продавали у моста в это время года. Томас решил, что это были поздние астры, потому что других его жена сейчас из огорода не принимает даже на кухню. От цветов мы перешли к тому, как выглядит столичная улица после дождя, а оттуда к ярмарке и старой горбатой лошади, которую отец всё ещё считал молодой. Жаркое у меня успело остыть, пока я выясняла, куда переставили скамью у колодца и на кого теперь ворчит пекарь.

— А по берегу к нам теперь чаще ездят? — спросила я, вспомнив, как скрип его колёс разнёсся над пустым двором. Томас обмакнул хлеб в подливу, но есть пока не стал. — С башни вчера я видела колёса у верхней развилки и всё думала, что кто-то с дороги свернул к морю.

— Это дозор, его с побережья после свадьбы прибавилось, — сказал Томас. — Две телеги уже неделю катаются между заставами, а на переправе возчиков теперь спрашивают, кого они берут с собой. Под смену караула попасть значит полдня там простоять: один записывает имя, другой приходит и требует назвать его снова, потому что первый так написал, что сам разобрать не может.

Я спросила, не возвращаются ли дозоры с берега из-за драконов, и только тогда заметила, что наклонилась через стол. Томас пожал плечами и сказал, что в их стороне драконов давно никто не видел, хотя его дед различал их по звуку крыльев ещё прежде, чем замечал в небе. Дед уверял, что от молодого слышится частый хлопок, а взрослый с широким крылом ведёт за собой долгий гул, будто над двором срывают с просушки большое полотно. Томас сощурился на открытое окно, где сейчас шумел только ветер, и принялся доедать.

— Когда увидишь одного, спроси, пожалуйста, куда они все подевались, — сказал он, отставив пустую миску. — Мой дед вечно спрашивал, приедут ли те, кто обещал, и считал, что

обещание без срока может пережить самого человека. И всё же он держал над дверью фонарь даже в последний год, хотя до двора уже ходил с палкой.

— Спрошу, если он выспится и согласится со мной разговаривать, — ответила я. Томас засмеялся, но сразу посмотрел туда, где полоска солнца сдвинулась к краю подоконника. Я предложила ему чаю, а он поднялся и сказал, что тогда придётся ужинать на заставе, и дозорные наверняка попросят документы даже у Гнедки.

Я проводила его во двор, подержала створку и посмотрела, как телега осторожно спускается между каменными столбами. Томас обернулся уже за поворотом, где дорога на миг снова становилась видна, и поднял ладонь над головой. Я помахала ему корзинкой, которую взяла, чтобы подобрать оставленное у ворот сено. Когда шум колёс стих, я попробовала вспомнить, с кем говорила на прошлой неделе, и вспомнила только, как уронила крышку в погребе и выругалась, услышав собственное эхо.

Я отнесла сено под навес, прикрыла ворота и вернулась к посуде. Подливу на второй миске Томас вытер так чисто, что её оставалось только сполоснуть, а в моей на дне ещё лежало несколько картофелин. Я съела их стоя, пока грелась для мытья вода, и обнаружила, что даже холодными они были вкуснее, чем вчерашний обед, о котором я уже ничего не могла вспомнить. Потом я взяла с полки чайник поменьше, сунула письмо в книгу и решила дочитать его на балконе.

Выход на балкон был в конце верхней галереи, где ставни вечно задевали за плиты. Я научилась открывать их плечом, удерживая поднос обеими руками, хотя в первый месяц регулярно приносила себе чай в блюдце. Снизу, у подножия утёса, вода с силой входила в каменную расселину и выходила обратно белой от пены. Зато у стены, куда я вынесла стул, было тепло, и солнце успело нагреть сиденье раньше меня.

Крышку на банке я и правда едва повернула, пришлось обмотать её краем полотенца. Джем пах кислой смородиной, а у самого стекла держалась тонкая сахарная корочка, за которую мы с отцом в детстве торговались до последней крошки. Я намазала хлеб джемом и полила тонкой струйкой мёда, как делала мать, когда у нас попадалась слишком кислая ягода. Пока я держала ломоть над блюдцем, мёд успел стечь на большой палец, и я облизнула его прежде, чем взялась за письмо.

На обороте мать начала с дел, о которых Томас и так уже успел мне рассказать. У пекаря переменилась работница, у соседей починили колодец, отец осенью обещал наконец убрать доски из моей комнаты и уже дважды переложил их из одного угла в другой. Следом шёл вопрос, отчего-то написанный совсем близко к краю: «А чего ты сама хочешь, Мирабель?» Я перечитала его, пока чай ещё был горячим, и ещё раз, когда от чашки уже перестало идти тепло.

Если бы мать спросила, чего мне не хватает, я бы назвала плотную шерсть на зиму и крепкую задвижку для балконной двери. Можно было бы ещё попросить сахарной головы, потому что в здешней сырости сахар слипался быстрее, чем я успевала его израсходовать. Я даже мысленно прикинула, в какой корзине Томас привёз бы всё это наверх. А на самом деле мне хотелось однажды проснуться оттого, что внизу кто-то уже заварил чай и громко спорил, где я держу чашки.

Я взяла книгу, нашла место, на котором остановилась вчера, и для начала перечитала страницу целиком. Девушка в книге писала письмо и никак не могла решить, следует ли ей начать со слова «дорогой»; с прошлого четверга она всё сидела над первым листом, потому что дальше я ни разу не добралась. Сегодня я успела узнать, что на стол к ней запрыгнул кот, и поймала себя на том, что смотрю вниз, на дорогу. Я снова сложила материнское письмо, вложила его закладкой и позволила себе сидеть на солнце, пока тёплая полоска не ушла со стула.

К вечеру я занесла поднос, вымыла чашку и спустилась проверить бочонок. Полоска полотна на кране оказалась сухой, и я развязала её, чтобы завтра лишний раз не гадать, старая

на ней влага или свежая. У лестницы подобрала корзину для дров и наполнила её до ручки смолистыми поленьями, которые держала отдельно от кухонных. С этой корзиной я поднималась к огню каждый вечер и на последнем пролёте неизменно обещала себе завтра сходить за дровами дважды, понемногу.

Верхнюю дверь пришлось придержать ногой, пока я ставила корзину под стену. На площадке башни ветер снова окреп, и я сначала отперла ставни со стороны моря, потом пригребла к середине чаши остатки вчерашнего угля. Наставница заставляла меня проверять огонь из дверного проёма: отсюда было видно, дотягивается ли пламя до открытых окон или ветер уже прижимает его к краю. Я добавила смоляную щепу, дождалась, пока она разгорится, и увидела, как на внутренней стороне ставни задрожало оранжевое пятно.

В темнеющем небе за окнами ничего не двигалось, только далеко внизу белела вода. Я подложила ещё одно полено, прикрыла дверь и спустилась к себе, стараясь ступать по краю ступеней, где камень был менее скользким. На ночь я оставила платье на спинке стула, погасила свечу и едва успела вытянуть ноги под одеялом, когда из-за ставней донёсся странный гул. Сразу за ним последовал удар, от которого задребезжал кувшин на умывальнике, а во дворе с треском повалилась ограда.

Я села на постели и прислушалась, ожидая окрика или топота копыт. За ставнями что-то протащило по камням, потом стало так тихо, что я услышала, как с умывальника упала капля. Я накинула халат прямо поверх ночной рубашки, кое-как влезла в сапоги и сняла с крючка лампу, оставленную у лестницы. Спускаясь, я думала, что Гнедка могла вырваться у Томаса и вернуться к знакомой кормушке, хотя вряд ли на всём побережье нашлась бы лошадь, способная так тряхнуть замок.

Дверь во двор распахнулась у меня в руках, и пламя лампы присело под стеклом. Я заслонила его рукавом и увидела поперёк огородной дорожки сломанную жердь, а за ней, там, где утром торчали круглые белёсые кочаны, лежало нечто огромное. Сначала свет выхватил край перепончатого крыла, раскинутого от ограды до стены. Потом я подняла лампу выше и разглядела драконью голову с закрытыми глазами и мокрой землёй на чешуе.

Несколько мгновений я стояла в дверях, прижимая к животу свёрнутый пояс халата, который так и не завязала. Я знала место, где драконы обычно садились: широкая площадка за башней, вся в неглубоких бороздах от когтей. Оттуда до капусты было добрых полдвора, и, если судить по положению хвоста и сломанной ограде, он упал ещё на подлёте. Когда я заставила себя подойти ближе, увидела, что бок у него едва заметно поднимается, а из крыла торчит стрела.

Крыло лежало наискось, и под древком, где плотная перепонка сходилась с сочленением, медленно собиралась кровь. Я поставила лампу на камень и наклонилась, пытаясь рассмотреть наконечник с обратной стороны. Его узкий чёрный край выступал из перепонки, как и на той стреле, которую наставница давала мне держать в руках на занятиях. Она учила, что такой металл запирает тело в том облике, в каком его ранили: дракон должен был бы суметь обратиться в человека, даже лежа без чувств, но с железом в крыле у него этого не выйдет.

Я потянулась за тканью и только тут вспомнила, что явилась во двор с одной лампой. Под навесом висел сложенный холст, которым я утром собиралась вытереть руки после огорода, и я сбегала за ним, всё время слыша за спиной тихое, неровное дыхание. На обратном пути я споткнулась о перевёрнутый кочан и опустилась на колени раньше, чем собиралась. Близко от моего лица лежала передняя лапа, и на одном когте застрял обломок жерди, который мне отчего-то очень захотелось снять.

Сначала я прижала сложенный край холста к ране, оставив снаружи только конец стрелы. Потом перехватила древко у самой перепонки и потянула вдоль прокола, как показывала наставница на туго набитом мешке. На мгновение мне показалось, что стрела застряла, и

древко едва не выскользнуло из мокрых пальцев. Когда чёрное железо вышло, я положила стрелу на землю и обеими руками придавила холст к крылу.

Дракон выдохнул так глубоко, что у лампы зазвенела проволочная ручка. Я ждала, что он вздрогнет, что крыло дёрнется под ладонями или хоть раскроется глаз, и старалась не наваливаться на него всем телом. Он остался лежать, а из-под края холста на примятую землю медленно упала одна тёмная капля, потом другая. В доме были настойка для промывания ран, чистые повязки и одеяла, а я всё сидела на грядке с той тряпкой, которой собиралась вытирать грязные руки.

Я подоткнула свободный конец холста под крыло, подхватила лампу и побежала к дому. У входа оглянулась: тень от распластанного крыла и тела ещё лежала поперёк грядок в остаточном свете башни. В кладовке я задела плечом дверь, вынула бутылочку с настойкой и схватила стопку чистого полотна с верхней полки. Одеяло пришлось вытащить локтем из нижнего сундука, и по дороге наружу я дважды чуть не наступила на его волочившийся угол.

На пороге я подняла лампу и сперва решила, что смотрю в другую сторону. Сломанная жердь лежала поперёк дорожки, и белым пятном выделялся тот самый кочан, о который я споткнулась. А широкой тени, занимавшей почти весь огород, на грядках больше не было. Я подхватила одеяло повыше и бросилась туда, где оставила дракона.

Глава 2

Я нашла его по дыханию. Свет лампы сначала упал на босую ступню между кочанами, затем на голое колено и скомканный холст, который я подоткнула под крыло. Холст остался на земле, а там, где только что лежала драконья голова, в капустном листе запутались длинные золотые волосы. Я поставила лампу рядом и опустилась на колени, боясь, что ошиблась грядкой и возле моих ног лежит кто-то, кого дракон придавил, когда падал.

Потом я увидела рану. Тёмная полоска начиналась на плече и тянулась вниз, к локтю, а на спине возле лопатки проступала новая капля. Я приложила чистое полотно и позвала незнакомца, сперва тихо, потом ещё раз, как звала бы человека по другую сторону двери. Он судорожно вдохнул и повернул лицо на голос, хотя глаза открыл только со второй попытки.

Мне хватило одного взгляда, чтобы запомнить его лицо, даже перепачканное землёй. У него были высокие скулы, на подбородке темнела ямочка, а прилипшая ко лбу прядь казалась в свете лампы почти белой. Я поймала себя на том, что рассматриваю его губы и жду, когда они шевельнутся, хотя до сих пор не придумала, как доставить его в дом. Он втянул воздух сквозь зубы, и я вспомнила про одеяло, угол которого волочился у меня между сапогами.

— Меня вы слышите, это уже хорошо, — сказала я и накрыла его до подбородка, оставив свободной одну руку. — Я отведу вас в дом, тут близко, только через двор и вверх на три ступеньки. Если поняли, что я сказала, попробуйте сжать мою ладонь.

Он пошевелил пальцами и зацепил два моих, как цепляются за щель в камне, когда другой опоры поблизости нет. Я дала ему полежать ещё немного, пока он привыкал к моему голосу и к ткани на ране. Оставалось решить, что делать с лампой, лекарством и повязками, поскольку для него мне понадобятся обе руки. Я запихнула бутылочку в широкий карман халата, прикрыла полотно краем одеяла, а лампу отнесла на крыльцо и поставила на выступ перил, откуда свет падал на ступени.

Вернувшись, я увидела, что незнакомец уже пытается поднять голову. Под его затылком хрустнул капустный лист, и на миг я чуть не сказала, что хватит с меня одной сломанной грядки. Вместо этого я присела с той стороны, где у него не было раны и велела перекатиться на бок, а когда он опёрся на локоть, подсунула плечо под его руку. От тяжести у меня подломилась нога, и я уткнулась носом в одеяло, пропахшее сухой мятой из сундука.

— Если вы подождёте, пока я поставлю сапог на дорожку, у нас будет целых три ноги на двоих, — сказала я, выпрямляясь. Возле уха раздался хриплый выдох, и я посмотрела, не стало ли ему хуже. Уголок его рта дрогнул, а он осторожно поискал ступнёй землю там, где я утоптала её каблуком.

Так мы добрались до края грядки, где встать было проще, и ненадолго прислонились к ограде. Под ладонью у меня шевельнулась уцелевшая стойка, и я поспешила от неё отойти, пока последняя часть забора тоже не свалилась. Через двор мы прошли мелкими шагами, останавливаясь, когда мужчина переставал чувствовать землю под ногами. На крыльце я положила его ладонь на перила и назвала каждую ступеньку, а наверху забрала лампу с каменного выступа, не выпуская его руки.

Ближайшая гостевая была за поворотом, напротив узкого окна, из которого днём виднелась поленница. Утром, проходя мимо, я хотела унести оттуда лишнюю подушку и теперь была рада, что поленилась. Я толкнула дверь спиной и довела незнакомца до кровати, где он нащупал здоровой рукой край матраса. В комнате от стены тянуло холодом, зато постель была сухая, и, когда он сел, лицо у него немного расслабилось.

— Как мне вас звать, если понадобится разбудить? — спросила я, поднимая лампу. Он слабо кивнул, словно подтверждал, что по-прежнему меня слышит, а губы у него разом поте-

ряли цвет. Я едва успела придержать его затылок и уложить на подушку, прежде чем он обмяк у меня на руках.

Сначала я нашла у него пульс, хотя собственные пальцы так дрожали, что это заняло дольше, чем следовало. Потом придвинула табурет, разложила на нём чистое полотно и присмотрелась к плечу. При каждом вдохе кожа под моей ладонью едва заметно двигалась, и я поймала этот ритм, пока доставала из кармана бутылочку. Мне предстояло дойти до кухни за водой, а я ещё некоторое время сидела рядом, убеждая себя, что задыхался он во дворе, здесь же просто дышал очень тихо.

У печи я зачерпнула тёплой воды из котелка, взяла ещё лампу и, вернувшись, поставила обе по краям кровати. В свете с двух сторон рана оказалась меньше, чем мне привиделось на грядке, но кожа вокруг неё уже вздулась. Я отмыла засохшую кровь, смочила край полотна настойкой и увидела, как незнакомец даже без сознания втянул голову в плечи. Когда наставница заставляла меня упражняться на чулке с набитой шерстью, самой трудной частью мне казалось завязать узел одной рукой, придерживая повязку другой.

Полотно я меняла дважды, пока на нём не перестало проступать свежее пятно. Затем обмотала плечо широкой полосой ткани, приподнимая руку ровно настолько, чтобы провести её под лопаткой. Один конец затянулся туже другого, пришлось распустить его и начать снова; я шептала себе, сколько раз ещё могу ошибиться, прежде чем изведу все чистые тряпки в доме. В конце концов узел лёг сбоку, под локоть уместилось свёрнутое полотенце, и незнакомец задышал глубже.

Я расправила одеяло и хотела убрать с его лба прядь, чтобы проверить, нет ли там ушиба. Он открыл глаза прежде, чем я дотронулась, и на этот раз посмотрел прямо на меня. При свете двух ламп глаза показались мне серыми, с тёмным ободком, а протянутая рука вдруг стала казаться неловкой и слишком близкой к его лицу. Я опустила её на спинку кровати и сказала, что стрела осталась во дворе, а здесь он может лежать спокойно.

— Ворота, — прошептал он и попытался поднять голову. — Закройте ворота, если ещё открыты. Пожалуйста, сейчас, пока тихо.

Я ответила, что створки прикрыты и снаружи их с первого толчка не открыть. Он удерживал мой взгляд, пока я не сказала, что пойду проверю засов. Тогда его веки опустились, а пальцы на здоровой руке разжались, оставив на одеяле пять глубоких складок. Я поправила их, оставила одну лампу у стены и пошла во двор с другой.

На дворе ветер сразу забрался под халат и прохватил вспотевшую спину. Я прошла вдоль стены к воротам и подняла деревянный засов обеими руками, потому что от сырости его повело. Задвинув в гнездо, я навалилась на створку плечом и подёргала кольцо малой калитки. За воротами не скрипнуло ни одного колеса, и всё же слова незнакомца заставили меня задержаться у щели, пока я не различила на дороге знакомые светлые камни.

На обратном пути я заметила, что от грядок до крыльца тянутся тёмные пятна. На камнях они могли бы сохраниться до утра, поэтому я зачерпнула у огорода земли, растёрла её подошвой и смахнула рыхлые комья вниз с крыльца. У раздавленной капусты грязным валиком лежал холст, которым я прижимала крыло. Я подняла его, уже собираясь отнести к стирке, и услышала, как под сапогом сухо щёлкнуло древко.

На самой стреле я больше всего боялась увидеть знак, который узнаю сразу. На оперении запеклась грязь, зато под чёрным наконечником, на узкой металлической втулке, ясно виднелись три выбитых зубца. Я перевернула стрелу, поднесла к лампе, потом провела ногтем по метке и убедилась, что она сделана намеренно. У Томаса за обедом нашлось бы название для половины вещей на побережье, а мне на ум шли только его слова о дозорных телегах и о людях, расспрашивающих возчиков на переправе.

Я завернула стрелу в холст и отнесла в хозяйственный чулан, где хранила молотки и длинные гвозди. В ящике пришлось передвинуть рубанок, чтобы древко легло вдоль дна и

крышка закрылась без усилия. Я заперла ящик, потом снова отперла, подложила обрезок кожи, чтобы металл не звенел о железо, и только тогда повернула ключ окончательно. Если кто-то придёт за стрелой, подумала я, ему сперва придётся объяснить, откуда он знает, что она у меня.

Из чулана я вернулась в гостевую, где огонёк второй лампы догорал под самым стеклом. Незнакомец лежал всё так же, только здоровая ладонь сдвинулась на край подушки. Я попробовала тихо сказать, что ворота закрыты, и увидела, как у него под веками на миг шевельнулись глаза. Оставлять его одного мне не хотелось, но из гостевого окна был виден навес, а дорогу до поворота можно было разглядеть только из моей спальни.

Наверху я отодвинула ставню, подтащила к окну кресло и наконец сняла сапоги. Один поставила носком к двери, а второй пришлось вывернуть и вытряхнуть из него полгорсти земли, прежде чем он согласился стоять рядом. На подоконник положила ключ от нижней кладовой, где за мешками и связками пустых банок мог бы поместиться человек. Я помнила, как едва довела гостя до постели, и вместе с тем мне было легче сидеть у окна, если ключ лежал под рукой.

Дорога огибала утёс и шла вниз между двумя грядами камней, которые в темноте белели лучше самой дороги. С этой стороны луна иногда выхватывала кусок колеи, а потом облако закрывало её, и мне приходилось заново искать знакомый поворот. Я пыталась представить, как далеко ночью видно огонь с верхней башни, если смотреть на замок со стороны берега. Дракон мог лететь над самой водой, решила я, а тот, кто выпустил стрелу, мог остаться по другую сторону утёса и теперь искать здесь спуск к морю.

В кладовой над крюком для ключей прежняя смотрительница когда-то прибила полоску бумаги с правилом для ворот. Я сперва думала, что оно написано для обычных дней, когда возчику нужно подождать, пока хозяйка отмоет руки от теста. Наставница однажды велела мне прочесть его вслух, а сама стояла с другой стороны створки и стучала кулаком, подражая разъярённому королю. К концу урока я уже смеялась в голос, потому что она сбилась на голос нашего пекаря, которому вечно недокладывали сдачу.

— Решение о том, кому открыть ворота, принимает смотрительница, — повторила я у окна, стараясь говорить так же внятно, как в тот раз. Тогда после урока она отворила калитку и вошла с двумя пирожками, которые успела пронести за пазухой, пока изображала короля. Теперь за стеной мог стоять человек со стрелами, а я думала, хватит ли мне голоса, чтобы он вообще услышал меня сквозь створку. Ворота были такие толстые, что иногда Томасу приходилось дважды выкрикивать даже моё имя.

Я так долго всматривалась в нижний поворот, что начала видеть там человека в светлом плаще. Стоило моргнуть, и плащ снова становился известковым валуном, вокруг которого с весны никто не выкосил траву. На кухне у меня висела жестяная кружка, из которой я пила, когда весь день носила воду; я вспомнила о ней и вдруг поняла, как сильно хочется пить. Уходить от окна ради кружки мне казалось безрассудством, а спустя минуту я уже обувалась, потому что не могла вспомнить, ровно ли дышал гость, когда я оставила его в комнате.

Обход я начала с кухни, где допила вчерашнюю воду из ковша, и прошла коридором до чёрного хода. Я подёргала щеколду, поставила возле неё пустое ведро, чтобы упало, если дверь сдвинется, и пошла к гостевой. У порога пришлось прикрыть лампу ладонью: незнакомец лежал лицом к двери, и я побоялась разбудить его резким светом. Из-под одеяла виднелось перевязанное плечо, а дыхание уже было таким ровным, что между вдохами я перестала считать.

Я села на край табурета и только тогда разглядела собственные ладони. В складках кожи засохла земля, под ногтем осталась золотая нитка, и я долго не могла понять, откуда она взялась, пока не сообразила, что это волос. Я стряхнула его на пол и поправила одеяло на ногах незнакомца, а он во сне чуть подтянул ступни, как человек, который наконец согревается. Перед уходом я поставила кружку с водой на столик, поближе к здоровой руке.

Возвращаясь наверх, я услышала, как в башне осело полено и звякнула решётка под жаровней. От этого знакомого звука мне стало спокойнее, и я на миг забыла, что прислушиваюсь к дороге. Снова устроившись у окна, я вытащила из-под себя сбившийся пояс халата, накрыла им холодные пальцы и решила отсидеть так ещё немного. Песочные часы на столике, которые я перевернула, когда впервые поднялась из гостевой, успели опустеть, а с дороги по-прежнему не донеслось ни звука.

Перед тем как заснуть, я разглядела на линии воды один огонёк. Он качнулся, пропал, снова появился чуть левее, и я решила, что рыбаки далеко вышли в море и теперь возвращаются под берегом. Хотелось посидеть, пока огонёк совсем уйдёт из виду, но я только глубже забралась в кресло и подтянула полы халата под колени. Больше до рассвета я ничего не помнила.

Утром меня разбудил холодный край оконной рамы, в который упёрлась щека. В кресле затекла левая рука, и я спохватилась не сразу, когда попыталась выпрямиться и чуть не свалила на пол ключ от кладовой. За окном уже можно было различить камни и траву, среди которых ночью мерещился человек в плаще. Я сунула ключ в карман, надела сапоги и сбежала вниз, оставив кухонную печь холодной.

В гостевой пахло остывшим маслом, влажной тканью и травами от вчерашней перевязки. Я подошла к постели так быстро, что задела коленом табурет, но мужчина даже не вздрогнул. Пришлось склониться к его лицу, чтобы различить тихий вдох, и тогда я вдруг поняла, что за всё время моего дежурства в доме впервые кто-то спал за дверью, мимо которой я ходила каждый день. На секунду сама эта мысль меня обрадовала, а потом я коснулась горячего лба и заговорила с ним так же, как ночью на грядке.

От моего голоса он слегка нахмурился, но больше ничего не сделал. Я проверила край повязки и обнаружила на ней небольшое пятно, успевшее высохнуть, а пальцы здоровой руки были тёплые. На столике стояла вчерашняя кружка, к которой он за ночь так и не притронулся. Я унесла её на кухню и поставила греться воду, вспомнив о настойке, которую наставница давала путникам, если после ранения им мешала боль и они никак не могли расслабиться и заснуть.

Бутылочки для промывания и для питья стояли на разных полках, и я всё равно прочла обе этикетки. В нужной настойка потемнела за лето, но пахла так же, как тот первый глоток, который мне когда-то дали попробовать: липовым цветом, мятой и чем-то горьким, отчего язык сразу прятался за зубы. Я отмерила капли в чашку, развела тёплой водой и положила рядом ложку, чтобы при случае дать попробовать понемногу. Потом намочила отдельную ткань в прохладной воде, выжала её и вернулась к гостю.

— Если вы слышите меня, моргните, как вчера во дворе, — попросила я, положив ткань ему на лоб. — А если сил хватит только нахмуриться, я и это замечу. Мне надо понять, что вы готовы открыть глаза, а то я здесь одна разговариваю и успела придумать за вас уже половину ответов.

Он не моргнул, зато под тканью сдвинулась бровь, и я увидела, как он попытался слизнуть влагу с пересохшей губы. Я чуть отодвинула ткань и ещё раз сказала, что он в доме на утёсе, что сейчас утро и что засов на воротах на месте. На последних словах он открыл глаза и некоторое время смотрел на подушку рядом с моим плечом. Потом взгляд остановился на мне, и по тому, как медленно он кивнул, я поняла, что на этот раз он разобрал каждое слово.

— У меня есть вода и настойка от боли, — сказала я, поднимая чашку, чтобы он её видел. — Сначала попробуйте сесть повыше, я подложу подушку и придержу вас за спину. Если начнёт кружиться голова, скажите, я успею опустить вас обратно, хотя вчера на ступеньках вы явно решили, что можете справиться один.

Он открыл рот, попытался что-то произнести и выдохнул без звука. Здоровой рукой нащупал край кровати и чуть подтянулся, а я подложила ему вторую подушку, пока он держал

себя на локте. Мы немного подождали, и только когда он смог ровно поднять голову, я поднесла к его губам ложку воды. Он проглотил, потом отхлебнул ещё раз сам, почти не расплескав, и так удивлённо посмотрел на чашку, будто забыл, что умеет пить.

Настойку я давала маленькими глотками, и после первого у него на лице отразилось примерно то, чего я ожидала. Я честно предупредила, что дальше вкус будет таким же, но пообещала к концу оставить немного простой воды. Он допил сколько смог и отодвинул чашку двумя пальцами, с той осторожностью, с какой ночью трогал мою ладонь. Затем вытер рот краем одеяла и посмотрел на меня уже вполне осмысленно.

— Спасибо, — сказал он, и это было первое слово за утро, которое я отчётливо услышала. Он отдышался, не сводя с меня глаз, и перевёл взгляд на полоску света под дверью. — Кто-нибудь видел, как я упал, или вы вышли во двор одна?

— Я была одна, — ответила я. — Со стороны дороги двор закрыт стеной, а за ночь к воротам никто не подходил. Я почти час просидела у окна и за это время успела принять один и тот же камень за человека раза четыре.

Он посмотрел на меня поверх чашки, которую всё ещё придерживал двумя пальцами. Я ждала, что он наконец спросит, как я сумела вытащить стрелу, однако он сперва захотел узнать, откуда именно видно дорогу. Я объяснила, что из моего окна виден нижний поворот, а участок у самой стены слышно лучше, чем видно: стоит лошади ступить на плиты, и копыта звенят во дворе. Он опустил глаза на одеяло, и мне показалось, что я ответила на один вопрос и невольно дала ему повод для следующего.

— Дайте мне день, если сможете, — сказал он после паузы. — К вечеру я хотя бы узнаю, сколько могу простоять без вашей помощи. И ещё я хотел бы, чтобы вы пока нигде не записывали моего имени, даже если у вас положено спрашивать его с каждого, кто входит в ворота.

— Вы, строго говоря, через ворота не входили, — сказала я и забрала у него чашку, пока он не опрокинул её себе на грудь. — А день у вас будет, даже если к вечеру выяснится, что вам трудно досидеть на краю кровати. Про имя я вам сейчас покажу, у нас для такого случая есть своя страница.

Я сходила за книгой дежурств и принесла её с пером, которое так и осталось вложено под тесёмку с прошлого утра. Незнакомец заметно напрягся, когда я положила книгу на одеяло, и я открыла её сама, пропустив страницы, на которых у меня три года подряд копились прочерки. Почти в самом конце нашёлся лист с особым заголовком, выведенным мелким почерком наставницы: «Путники без имени». Под ним было несколько старых строк, и в одной значилось только, что гость остался до утра и попросил к завтраку побольше хлеба.

— Вот, у человека даже имя не спросили, а про хлеб запомнили, — сказала я, подтолкнув книгу ближе, чтобы он мог прочесть сам. — Ваше имя на эту страницу никто не впишет, и книгу никто не увидит без моего позволения. Когда будете готовы, сможете сказать мне, как к вам обращаться, а пока я и так знаю, в какой комнате вас искать.

Он посмотрел на старую запись дольше, чем нужно было, чтобы прочесть такую короткую строчку. Затем хотел придержать лист, но потянулся больной рукой и тихо втянул воздух. Я придержала страницу вместо него, а он попросил повторить, правда ли решение насчёт книги за мной, даже если кто-то явится с бумагой и станет требовать отчёта. Я сказала, что обычным приказом мои записи не открывают, и отодвинула книгу, чтобы он мог опустить руку.

— От вас мне нужно одно, — сказала я, закрывая обложку. — Если узнаете, что замку грозит беда, скажите мне, пока у меня ещё есть время закрыть дверь или убрать людей с дороги. Когда я ночью держалась за воротное кольцо, мне бы очень пригодилось знать, чего я жду по ту сторону.

Незнакомец отвёл взгляд к окну, где утренний свет медленно полз по стене. Я различила, как напряглась мышца у него на щеке, и подумала, что он вот-вот ответит, но он только вернул здоровую руку под одеяло. У меня уже был на языке вопрос о стреле, и я могла бы выложить

перед ним всё, что видела на втулке, вплоть до трёх зубцов. Вместо этого я сказала, что вода останется на столике и что я приду проверить плечо, как только растоплю печь.

К вечеру он успел выпить немного бульона, а я дважды принимала скрип его ставни за шаги в коридоре. Я поставила на плиту чайник и села с книгой дежурств у кухонного окна, где ещё хватало света, чтобы писать. Перо зависло над особой страницей, пока я решала, стоит ли добавить про стрелу или про сломанную ограду. В конце концов я записала только «ранен в плечо», промокнула строку и закрыла книгу.

Отнести книгу на место я пошла через коридор и у гостевой взялась за ручку, собираясь притворить дверь перед вечерним обходом. Из комнаты тем же низким, чуть осипшим голосом он попросил оставить щель, чтобы было слышно, когда я пройду обратно. Я принесла с кухни лампу, поставила её в нишу напротив гостевой и подвинула к краю, пока дорожка света не легла на пол у его кровати. Возвращаясь за дровами для маяка, я заметила, что впервые слышу собственные шаги так, как, должно быть, слышал их кто-то по другую сторону двери.

Глава 3

К утру лампа в нише погасла, а дверь гостевой осталась приоткрытой ровно настолько, насколько я оставила её накануне. Я принесла бульон и остановилась на пороге, потому что из-под одеяла торчала босая пятка и её хозяин, кажется, впервые с той ночи, когда упал, спал по-настоящему. Чашка звякнула о блюдце, и он открыл глаза и сразу потянулся к плечу. Я успела поставить поднос прежде, чем он взялся за узел повязки.

— Дайте мне самой, я хотя бы знаю, за какой конец тянуть, — сказала я. Он послушно убрал руку, но с таким видом, будто намеревался запомнить всё, что я делаю, и в следующий раз обойтись без меня. — Сперва выпейте бульон, пока он горячий, а потом посмотрим, сколько свободы можно дать вашему плечу.

Он приподнялся на подушках и попросил не подносить ложку. Я поставила чашку ему на ладонь и, пока он устраивал её на ладони поудобнее, собрала со стола вчерашние тряпки и кружку с остатками воды. Бульон он пил не спеша, опуская чашку на колени перед каждым глотком, но пальцы уже не дрожали. Коснувшись его лба, я почувствовала обычное человеческое тепло и так обрадовалась, что, кажется, улыбнулась прежде, чем успела сказать, что жар спал.

— Я и сам заметил, что больше не слышу, как у вас по стенам течёт вода, — сказал он. — Вчера ночью она текла прямо у меня над головой, хотя потолок, насколько я вижу, сухой. Я хотел вас позвать, а потом подумал, что, если бы тут и правда протекла крыша, вы бы принесли ведро раньше, чем я успел бы крикнуть.

Я сказала, что, если бы протекла крыша, первой об этом узнала бы его пятка, и он убрал ногу под одеяло. Затем я размотала повязку, придерживая её у плеча, где ткань за ночь присохла. Рана выглядела спокойнее, и, когда я затянула свежий узел, незнакомец смог сам опустить руку на подушку. Он успел спросить, всё ли на месте, и заснул, так и не дождавшись моего ответа.

Я собиралась сразу унести поднос и заняться дровами, но села на табурет и задержалась. Прежде у него даже во сне хмурились брови, а теперь складка между ними разгладилась и я наконец увидела, как странно закручивается у виска одна прядь. Мне захотелось узнать, всегда ли она лежит именно так или это моя работа: ночью я сдвинула волосы с плеча, чтобы ни один не попал под повязку. В коридоре сквозняк шевельнул дверь, и я придержала её носком сапога, хотя ради этого пришлось сидеть боком.

Я успела придумать себе по меньшей мере три причины подождать ещё немного. Надо было убедиться, что повязка не жмёт, унести чашку и выяснить, отчего возле подушки темнеет пятно, которое в конце концов оказалось рисунком на наволочке. Мне было любопытно, каким он окажется, когда сумеет встать без моей руки и сможет говорить о чём-нибудь, кроме ворот и боли. А ещё я хотела увидеть, как он посмотрит на меня, если проснётся и первым делом увидит рядом знакомое лицо.

Проснувшись, он действительно сперва посмотрел на меня. Я потянулась к подносу с таким усердием, что ложка скатилась с блюдца, и он придержал её здоровой рукой у самого края. Потом взял чашку, отпил остывшего бульона и только тогда заговорил, словно хотел для начала убедиться, что голос его послушается. Назвался Дамианом из рода Орм и добавил, что достаточно просто Дамиана, если я всё ещё согласна обойтись без записи.

— В книге я уже отвела вам строку, имени там по-прежнему нет, — ответила я. — А меня зовут Мирабель, и можете звать меня так, даже если придётся будить посреди ночи. Вы первый дракон за три года моего дежурства, я теперь и без записи запомню, какую комнату вы заняли.

Он опустил чашку на блюдце, и мне показалось, что сейчас он попросит уточнить, где находится замок. Вместо этого Дамиан переспросил, действительно ли за всё это время сюда

никто не прилетал, даже осенью, когда над морем внезапно холодает. Я сказала, что каждую осень переношу одеяла поближе к гостевым и весной возвращаю их в сундуки, почти не тревожа складок. Он посмотрел на одеяло у себя на коленях и осторожно разгладил угол, которым я укрыла ему ноги.

— Значит, вы все эти годы зажигали огонь каждую ночь? — спросил он. В его голосе слышалось такое недоверие, что я уже приготовилась перечислить, сколько поленьев уходит за одну неделю непогоды. — Простите, я просто подумал, что мне повезло попасть сюда в вечер, когда кто-то решил проверить старую башню.

Я сказала, что проверять там особо нечего, если каждый вечер вычищать золу и следить, чтобы косой дождь не заливал чашу. Дамиан посмотрел на меня снизу вверх, и, пока он прикидывал, что сказать, я заметила на его запястье светлую полоску, словно там много лет носили ремешок. Мне хотелось расспросить его, откуда он знает этот маяк, но пока я разгребала на подносе посуду, он заговорил сам. Огонь, сказал он, был виден низко над водой, когда он уже считал, что до берега не дотянет.

— Я потерял высоту, а подо мной мелькали такие белые полосы, что сперва принял их за крыши, — продолжил он. — Потом увидел ваш огонь, повернул к нему и ещё подумал, как хорошо, что впереди есть хоть одна вещь, которая стоит на месте. Если бы погас и он, я бы в темноте врезался в сам утёс.

Мне случалось думать, что, если кто-нибудь заметит маяк, я обязательно выйду ему навстречу с фонарём. Я знала, где лучше стоять, чтобы не попасть под крыло, и даже зимой держала у крыльца запасную лампу, почти такую же, с какой выбежала ночью. А человек, которого я столько времени ждала, уже летел к моему огню, пока я в спальне прикидывала, который из двух носков завтра придётся штопать. Я сказала Дамиану, что обычно гости садятся за башней, и спросила, хочет ли он увидеть, куда сел сам.

Он поправил одеяло на коленях и попробовал встать раньше, чем я успела отодвинуть табурет. После первого шага пришлось остановиться, и я подала ему локоть, как подала бы тяжёлую миску, поставив поближе и оставив ему самому решить, брать ли её. К окну мы добрались вдоль стены, где камень был сухой и можно было опереться ладонью о выступ подоконника. Я откинула ставню и показала пролом, от которого до середины огорода тянулось широкое месиво из земли и листьев.

— Скажите, сколько её там было, — попросил он после долгого молчания. — Я вижу два кочана у стены, один на дорожке и ещё что-то совсем плоское возле ограды. Я серьёзно, Мирабель, за капусту надо заплатить, особенно если вы рассчитывали её заквасить.

От того, как основательно он принялся считать мои потери, мне и самой на миг захотелось пойти за счётной книгой. Я показала ему маленький кочан у дальнего столбика и сказала, что целых осталось больше, чем кажется сверху. За всё вместе я потребовала две новые жерди, крепкие и одинаковой длины, чтобы в темноте не пришлось снова искать их по двору. Он спросил, входит ли в цену та картофелина, которую он, кажется, унёс с собой на крыльцо, и впервые с тех пор, как я его увидела, по-настоящему улыбнулся.

Улыбка далась ему гораздо легче, чем утренние шаги, и я вдруг пожалела, что расстояние от кровати до окна оказалось таким коротким. Пока я объясняла, где лежат доски и чем жердь отличается от любой палки, которую прибило к берегу, Дамиан всё ещё смотрел во двор, но улыбался уже мне. Потом он спросил, давно ли я сама обедала, и я вспомнила, что с утра съела корку хлеба над котелком. Мы договорились, что для начала он вернётся на кровать, а я перестану придумывать себе работу, пока разогревается еда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.